

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Все случайные встречи до противного банальны. Иногда эти встречи переворачивают всё твоё утро, а иногда замыкают твою душу на все мыслимые и немыслимые замки.

Дед Юран был заперт на все замки, застегнут на все пуговицы, зачехлён на «молнии» от паха до подбородка. Поди пойми, что у него в душе творится.

Собственно, никто не пытался расчехлить этого старого ухоженного дедугана. Кому это надо?

Только потихоньку среди соседей по селу шла молва о том, что непростой этот дед. Ой, непростой.

Кто-то говорил, что служил в НКВД, кто-то – что сдал своих фашистам, а еще говорили, что ГУЛАГ – его место на все времена.

На чужой роток...

Только знала Иришка, что непростой это дед. Не сама знала – подсказал друг-одноклассник Колька. Догадывался, что она умеет хранить тайны. Тем более, эту «тайну» они вдвоём закопали под старой ивой, далеко от людских глаз. Завернули в старую тряпицу, чтобы поскорее сгнила в земле, притоптали так, чтобы никто и никогда не смог раскопать, и надолго забыли. Юран был родным дедом Кольке. Естественно, как и всякий внук, он защищал его. А как бы вы поступили? Нельзя подозревать родного деда. Не имеем права. Но здесь история глубоко утонула в тайне. Да так, что и спасать не стоило. Утонула – да и ладно.

Долго Колька не мог успокоиться, что его родного деда называли ЗЭКом. Ладно бы ЗЭК, – его ведь предателем сквозь зубы обзывали.

Тогда Колька решил доказать всей улице, что его дед что ни на есть – настоящий герой.

Зря он ввязался в эту борьбу. Ой, зря.

Детские мозги зачастую гаснут перед сплетницами бабами. Им только дай возможность потолковать на скамейке.

– Ой, Юран, доброго вечера, – натянуто улыбнулась баба Фрося.

Сосед только кивнул головой и отвернулся, держа в руках развернутую книгу. Что толку улыбаться соседкам? Подвергать себя гнусным пыткам ему давно не хотелось. Всё, что было пройдено

давно, в Великую Отечественную, не расскажешь. Никто не поверит. Да и кому надо, что он, разведчик, взял на себя роль предателя, чтобы обеспечить своих постоянной информацией. Он жил под чужим именем. А вот помирать придётся под своим. Думал ли когда солдат, что жизнь будет заканчивать в позоре и недоверии? Нет, не думал. Тогда некогда было об этом думать. Родине нужна была информация.

Колька страдал оттого, что ни школа не приглашает деда на торжества, ни к Вечному огню не ходит, ни в театре не выступает. Что это за героизм такой, от которого надо постоянно прятаться?

– Ты читай книги, – говорил ему дед. – В них вся правда.

– Я читаю, – отвечал внук.

– Значит, не то читаешь. Смотри, на книжной полке, в дальнем углу, стоят книги в потёртых переплетах. Я их никому не даю. Тебе советую: читай. А потом мы с тобой поговорим.

С тех пор внук с дедом были как заговорщики. Никто не мог понять, почему пацан хвостиком бродит за дедом, почему в рот заглядывает, ловя каждое слово.

А здесь и объяснять ничего не надо. На одной волне были мужики. На секретной волне.

– Дед, а почему на войну пошли не все? – как-то спросил Колька.

– Не все были героями.

– Но ведь всех могли убить.

– Могли. Всех...

– Но ты ведь пошёл.

– Это я. Знаешь, ты мог бы убить человека?

– Мог! – выпалил Колька.

– Не торопись. Представь, что в десяти-двадцати метрах от тебя лежит человек с автоматом. Он хочет тебя убить. Ты знаешь, что у него дома маленький ребенок, мать, жена. А ты, такой-сякой, его сейчас грохнешь.

– Нет. Не могу убить.

– Вот в этом и заключается всё мужское естество. А если и у тебя дома мать, жена, крошечный ребенок? И этот вояка пришёл их убить?

– Я убью его.

– Дрогнет рука?

– Не знаю, дед. Я не пробовал. Но за своих я постою.

– Молодец, парень. Таких было много в Великую. И я был среди них. Но были и те, кто боялся выстрелить. Вот тогда и было страшно. Поражение от слабости духа – позор для мужика.

– А я знаю, что тогда практически все выезжали в безопасные зоны.

– Я это тоже знаю. И это было гнусно. Ладно бы, бабы с детьми уезжали. Мужики прятались вместе с ними.

– А кто тогда страну освободил от фашизма?

– Настоящие мужики, настоящие пацаны и самые настоящие бабы и девчонки. Остальные работали на заводах и фабриках, помогая фронту. Но были и те, кто в это непонятное время зарабатывали себе деньги.

– А разве так можно?

– Нельзя. Но кто их остановит? Не было времени за ними следить. Не было сил на посторонние проблемы. Страну надо было освобождать.

– Дед, а соседка, баба Настя, рассказывала, что во время войны жила с семьёй в Казахстане. Сказала, что было очень тяжело и голодно. Мне её очень жаль.

– Не жалей, внук. Здесь было сложнее. Просто думать об этом некогда было.

– Но они считаются «детьми войны». Это честно?

– Думаю, нет. Но кто в те времена ходил по дворам и расспрашивал? Каждый живёт по совести.

– А они? Они по совести?

– У каждого своя планка совести. Отвечать всем не здесь, на земле.

– А где? И не надо говорить, что перед Богом. Где он был, когда фашисты открыли концлагеря и печи для уничтожения людей.

– Читай книги. Ты не всё прочитал, Коленька. Поговорим ещё.

Так Колька пристрастился к исторической литературе. Он узнал и о войне, и о несправедливости, и о голоде, и о предательстве. А ещё он узнал о том, что не все были патриотами. Простых смертных было куда больше тех, кто грудью встал на защиту родного дома от фашизма. И своими мыслями он делился и с Иришкой, и с Лариской, и с Надькой-врединой. Очень хотелось мальчишке рассказать соседским детям о том, что его дед был настоящим героем. Но дед категорически запретил внуку рассказывать о себе. Сердце разведчика продолжало отбивать ритм в той же тональности, несмотря на преклонный возраст.

Как-то Колька наткнулся на притчу (в книге лежал вкладыш, написанный от руки на листочке из школьной тетрадки). Автор не был указан. Но эта история запала в душу пацану, как стишок Агнии Барто. Вот она: «Жила-была Яблоня. Обычная такая Яблоня. Одно её устраивало – плоды были краснобокими. Одна сторона яблока жёлтая, а другая – красная. Дождь пойдёт, омоет яблоки, и они сияют на солнце то одним, то другим боком.

Росла Яблоня не на даче, а в чистом поле. С одной стороны была степь зеленая, а с другой – пыльные терриконы. Она любила терриконы. Никто не понимал Яблоню, как можно любить пыль, а не зелёную траву. Но тем она и отличалась, нерадивая, что была не такой, как другим хотелось.

И поселились в плодах её черви. Да-да, обычные черви, которые хотели доказать, что плоды без химических добавок, поэтому они облюбовали себе красивые крупные плоды. Доказывали они рьяно. И стали яблоки портиться.

Откуда ни возьмись, подул ураганный ветер, сметая на своём пути и зелёную траву, и верхушки терриконов, и слабые листья Яблони. Закачалось дерево то вправо, то влево. И посыпались черви из яблок на землю, и поползли они по траве зелёной подальше от терриконов.

Долго ли, коротко ли, но приползли всё-таки они в новые сады. Другие Яблони с испугом стали наблюдать за тем, как быстро поглощали яблоки червячки. Им и своих хватало, а тут новых прибыло. И стали новые яблочные черви рассказывать коренным постояльцам о своём житье-бытье. И стало жалко горемычных. Подвинулись они, предлагая свою порцию хрустящей сердцевинки. Время шло. Черви выросли, наплодили новых отпрысков, оставив после себя огромные червоточины. А при случае, выбравшись под ясно солнышко, занимались написанием мемуаров. И стали себя называть сынами Яблони терриконовой.

П.С. А морали здесь не будет. Сожрали черви»

* * *

– Дед, ты читал этот рассказ?

– Читал.

– Тебе понравился?

– Да как тебе сказать?

– Так и скажи. Понравился?

– Это я его написал.

– Ты? Ты разве умеешь?

– Нет. Я злился. Злился на то, что живу, дышу, знаю правду, и никому не могу о ней поведать.

– А я?

– Вот тебе и решил всё рассказать.

– Ты мне доверяешь?

– Безусловно.

– Спасибо, – прижался к деду Колька.

– Ты мне пообещай быть честным.

– Обещаю.

– Нет. Ты пообещай, если вдруг фашизм придёт к твоему порогу, ты никуда не уедешь.

– А как я могу обещать? А если у меня будет семья, дети?

– Ты мало читал, внук.

– Дед, не обижайся. Я буду честным. Я знаю, что фашизма не будет. Войны не будет. Смерти тоже не будет.

- Ты уверен?
- Нет. Но так не должно быть. Фашизм побеждён. Он никогда не вернётся.
- Я умру, а ты помни мои слова. Ты не опозоришь. Я тебе верю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Призывной пункт Донецка выглядел совсем не так, как показывали в фильмах о войне сороковых. Это там были толпы народа, женщины пока ещё в белых, не траурных, платках, детвора, снующая под ногами, старики с папиросами-самокрутками и да, виновники торжества – сами призывники. Все как на подбор – в белых рубашках, серых пиджаках и с торбами с нехитрым скарбом. Конечно, в XXI веке абсолютно никого не удивишь иномарками-внедорожниками. Их вон пруд пруди. Но почему-то ни одной машины такого уровня вдоль дороги не было. Понятное дело, они, эти машины, в спешном порядке вывезли своих хозяев подальше от войны. Конечно, о войне тогда говорили только дома, на кухне, в трамвае, да в очередях за хлебом. Какая война может быть между своими и своими? Просто АТО. Просто вброс разгулявшегося нацизма. И ещё – не вброс, а выброс отрицательной энергии, накопившейся непонятно откуда.

Не секрет, что народ всегда недолюбливает свое правительство. На то он и народ, на то оно и правительство. Вот если правительство с народом сольются в одном поцелуе, одном порыве объятий в мёртвой хватке, вот тогда точно – крах системе. А краха допускать нельзя. Поэтому глас правительства: «мир во всем мире» всегда воспринимался на ура. Тем более, «весь» мир всегда имел очерченные границы. Например, границы собственного города, собственной квартиры, да просто собственного дивана.

Сергей любил собственный диван. Нет, он никогда не был лодырем. Он просто любил после работы поваляться на диване, почитать газету, посмотреть телевизор, а если выдастся свободное время – обязательно читал классику. В отцовском доме была большая библиотека, доставшаяся ему от деда. Летит время. По всем родословным правилам Сергею он доводится прадедом. Странное имя у него было: не то Борис, не то Юран. Дома он был просто дед. Да какая разница? Главное – книги. Особенно в доме ценились книги, расположенные на самой высокой полке книжного шкафа. Возьмёшь в руки тяжёлую, с жёлтыми страницами и неровными уголками книгу, прижмёшь к груди, и словно чувствуешь биение сердца. Да-да, у старых книг есть сердце. В отличие от людей, бессердечных книг не бывает.

Особенно Сергею нравилась та, где вместо закладки на 45-й странице был листок-вкладыш с притчей, написанной мелким бисерным почерком. Вот и сегодня ему захотелось не прочитать знакомую притчу, а просто подержать в руках хрупкий, в некоторых местах затёртый шершавыми пальцами вкладыш. Поудобнее разместившись на диване, подложив под голову махровое банное полотенце, удачно валявшееся рядом, Сергей рассматривал до боли известный почерк. Как вдруг его привлекли возгласы, доносящиеся из телевизора.

Показывали Киевский майдан. Парень словно подпрыгнул на месте. Нет, не словно – он понастоящему подскочил с дивана, подбежал к телевизору и начал нервно шарить по тумбочке в поисках пульта. Оглянувшись, увидел, что прямоугольный брусок с кнопками валяется на полу рядом с полотенцем. Быстро схватив пульт, начал нервно тыкать в него пальцем. Кнопка настройки звука выскользала, словно была намазана маслом. Сергей забыл, что надо возвращаться к дивану. Стоял среди комнаты, как вкопанный, и всматривался в экран. Молодчики в балаклавах били беркутовцев. В ход шли палки, дубинки, биты, цепи. Беркутовцы не уворачивались, не отступали и не бежали. Они закрылись металлическими щитами и стеной стояли перед разбушевавшейся молодежью. Потом была кровь, раненые, убитые. Кто позволил? Кто дал им в руки металлические цепи и бутылки с зажигательной смесью? Ни на один вопрос не было ответа. Пристально всматриваясь в экран, молодой человек нервно глядывался в лица – только бы ни одного знакомого. Хотя, а незнакомые в чём провинились? В том, что их начальник дал приказ молча терпеть этот беспредел? В том, что ни у одного беркутовца нет оружия? В том, что именно они оказались в Киеве? А где президент? Почему молчит? Сергей взял в руки телефон и тут же ощутил его вибрацию. Звонил друг.

– Серега, надо срочно встретиться. Ты смотрел телевизор?
– И сейчас смотрю. Паш, ты понимаешь в этом что-нибудь?
– Нет, не понимаю. Но впечатление – полной подготовки краха правительства.
– Нет, не бери так высоко. Сейчас всех возьмут в кольцо и на том все решится. Ладно, не телефонный разговор. Встречаемся на своём месте через двадцать минут.

* * *

На призывном пункте было многолюдно. Кто-то нервно курил, кто-то травил анекдоты, другие разговаривали по мобильным. Таких было много. Они кому-то в трубку улыбались, успокаивали, ввали. Именно ввали. Это потом выяснится, что каждый второй дома никому не сказал, что уходит в ополчение. Ведь родные не подозревали, что если не объявлена полная мобилизация, ребята могут самостоятельно уйти на войну. Да и какая война? С Киевом? Такого не может быть по той причине, что не может быть в принципе.

Сергей был не один. Рядом стоял Павел. Оба крепкие, высокие, подтянутые, словно спортсмены.
– Серый, может, вернёшься? – толкнул локтем в бок Пашка.
– С дуба рухнул? Я второй раз не улизну из дома. Сам знаешь, чего мне стоило наговорить мамке чёрте чего. Думаешь, поверила? И тут зазвонил телефон.
– Сынок, ты где? – друзья переглянулись, и Пашка отскочил в сторону – мол, ври сам.
– Мам, ты чего волнуешься? Мы с друзьями собрались...

Он не успел рассказать, куда собрались. В трубку плакала мать, что-то шумел подбежавший отец, а из двери призывного пункта – громко позвал капитан.

* * *

В палате было тихо, как в гробу. Вот белый потолок, вон два угла, вон штора. Штора? Где вы видели шторы и занавески в гробах? Сергей хотел дёрнуть головой, чтобы остатки сна рассыпать в разные стороны, но острая боль резанула все тело так, что он застонал. «Значит, жив», – подумал он и снова провалился в пустоту.

* * *

– Андрюха, привет! Айда на гороховое поле. Говорят, завтра его травить будут, а мы сегодня успеем.
– Его уже потравили – мамка сказала. Погнали лучше в сад. С яблоками всё равно ничего не случится.

– Проверено, – засмеялся Андрей и надавил ступнёй на педаль велосипеда.
Дорога была песчаной, словно на морском пляже, но это не мешало братьям целыми днями гонять на велосипедах по улице, пока взрослые заняты огородами, скотиной, чистой сараев.

Сергей каждое лето приезжал в гости к тетке. Она сама сестре писала письма и упрашивала привезти племянника. Пусть сорванец месяц-другой на молоке поживет, да и сын будет присмотрен. Разница всего два года, но сдружились, как двойняшки.

Яблоки были кислыми. Да разве это остановит пацанов? Сергей смачно хрустнул зелёным яблоком и застонал...

* * *

В палате было тихо. Откуда такая тишина? И откуда эта головная боль? Сергей ясно ощущал чей-то каблук на виске. Кто позволил так с ним обращаться? Зачем Сергей позволил так с собой обращаться? Он рванулся всем телом в сторону и вверх, словно выделявая финт, уворачиваясь от противника во время рукопашной борьбы, и снова провалился в пустоту.

* * *

– Хлопці, додому!
– Зараз, матусю. Дивись, скільки яблук назбирали.

Сидя на холме, братья радостно обсуждали поход в колхозный сад, демонстрировали друг другу набитые яблоками майки и картузы. Даже в маленьком кожаном карманчике для велосипедных инструментов лежало яблоко. Больше туда не вместились, но оно лишним не было. С небольшого холма прямо перед мальчишками простиралось поле жита. От легкого дуновения ветерка колосья качались, напоминая волны Азовского моря. Внизу стояла тетка Галина, и непонятно было, она на краю поля стоит или на берегу.

* * *

Сергей пришёл в себя от чьего-то прикосновения. Приоткрыв глаза, увидел, что над ним склонилась незнакомая девушка и мягко поглаживает руку. Не шевелясь, повёл глазами вправо, влево, затем уставился на незнакомку.

– Я Даша. А ты, солдатик, молчи. Ты не в окопе и не в Иловайске.

Сил не было у Сергея спросить, где всё же он находится, а медсестричка не рассказывала. И тут он услышал стон. Поведя глазами в сторону стона, тут же вернулся в исходное положение. Что же у него с головой? Контузия? Осколок? Ушиб? Но если больно, значит, жив. А это уже что-то значит. Только бы мать не узнала. Она думает, что сын уехал к тётке в село под Чернигов. Пусть так и думает. И тут Сергею невыносимо захотелось почесать колено. Оно так зудело – сил не было терпеть. Пусть больно шевелиться, но терпеть этот зуд... Потянулся к колену, вскрикнул...

* * *

– Пашка, а давай на следующее лето ты приедешь к нам в Донецк. Я тебя поведу на рыбалку. У нас есть река, лес, терриконы.

– А что такое терриконы?

– Это такие искусственные горы.

– Как это искусственные?

– Вот у тебя на Родине огромные холмы. Их никто не насыпал, они сами появились на земле. А терриконы – вроде рукотворных. Это когда добывают уголь, а лишние камни и породу отсыпают в сторонку, чтобы не мешали находить уголь. Горы получаются высокоокие, до неба. Я тебя на самую верхушку поведу. Это не страшно. Там такой ветер! Весь Донецк как на ладони.

– Серёжа, Паша, спускайтесь вниз, обед давно! Где вас носит?

* * *

– Серёжа, как вы себя чувствуете? – склонилась над раненым медсестра.

– У меня чешется колено. Больно чешется.

– Больно – это хорошо. Заживёт до свадьбы. Ты женат?

– Нет, попытался улыбнуться парень.

– Женишься. Отсюда многие уходят жениться.

– А как же те, кто давно женат?

– Они не считаются. Но возвращаются домой как молодожены. Война что-то делает с мужчинами. Испытывает на прочность, что ли. Или на любовь. У тебя есть руки. Целых две. Коляска – не приговор. Женишься, заживёшь.

– Я вернусь назад, к ребятам. Им без меня никак. Какая коляска?

– Похоже, с твоим ранением тебе ещё долго быть дома. Надо постепенно привыкать к тому, что ты не калека, а просто инвалид. Сколько ещё дел тебя ждёт дома!

– Я знаю. Дома мать, отец. Я должен встать на ноги.

– Тебе, дружище, повезло – у тебя руки есть и голова разумная. У кого-то и этого нет. Лежи, отдыхай. Тебе надо много лежать. Говорят, тебя из Иловайска привезли. Жарко там было.

* * *

Узловая станция Иловайска имела стратегическое значение. Соседнее Кутейниково давало возможность перерезать железнодорожное сообщение с Россией. Ветка шла через Амвросиевку, Кутейниково, Иловайск, а потом на Макеевку и Донецк.

С конца июня 2014 года Вооруженные Силы Украины были нацелены на реализацию одной из главнейших задач: создание коридора между Донецком и Луганском. Были попытки пробить этот коридор через Дебальцево, но дошли только до села Ольховатка. Затем – Шахтерск, Ясиноватая. Реализация плана всё время срывалась.

Причина была всегда одна: нескоординированность и малая численность войск, которые должны были наступать с разных сторон.

Несмотря на то, что во время штурма Шахтёрска батальон ВСУ получил тяжёлые потери и не смог создать коридор, решено было всем докладывать о выполнении задания. А задача была – взять Дебальцево – огромный узловой центр. Наиболее удобным местом для прорыва в район Дебальцево был Иловайск. Там штаб АТО и начал планировать наступательную операцию. По состоянию на середину августа 6000 солдат-контрактников, которые имелись в начале года, были уже утомлены, многие – ранены, многие погибли. Но наступление частей, укомплектованных мобилизованными, в июле 2014 года закончилось полным провалом.

Украинские солдаты оголтело носились по пустующим домам и мародёрствовали. Местные жители не могли им противостоять, так как круглосуточно находились в подвалах и убежищах. Но это было не самым страшным. Когда приходили отряды фашиствующих молодчиков – начинался типичный фашизм. Это было страшно. Как-то один из группировки взял в плен простых мирных жителей. Под прицелом автомата местные жители пришли в старый заброшенный дом. Их заставили раздеться, забрали всю одежду и закрыли хибару на все запоры. Никого не интересовало, как в одном помещении могут находиться голые разнополые люди. В течение недели им подбрасывали какие-то куски сухого хлеба. И тут до пленных дошел слух, что утром их расстреляют. Одна из узников не желала погибать в свои чуть больше сорока. С наступлением ночи она изловчилась и смогла выбраться в форточку. Убежала. Только потом, когда освободили город, она тайком ходила смотреть на то место, откуда удалось сбежать. В мирное время никогда эта попытка не увенчалась бы успехом. Недельная голодовка довела женщину до истощения, позволив телу быть более гибким и податливым.

* * *

Сергей больше не проваливался в пропасть и темноту. Но всё ещё не мог дотянуться до колени.
– Лежи спокойно, брат. Тебе там нечего трогать. Нет у тебя ног – это нервы. А помнишь, как на велосипедах гоняли по улицам.

Раненый боец не мог понять, откуда ему знаком этот голос. Этот акцент, саркастическая интонация. С трудом повернувшись в сторону говорящего, Сергей вскрикнул радостно:

– Андрей!

– Узнал, – улыбнулся тот. Значит, будешь жить.

– Да я и так живу. Нет ног? У меня колено чешется. Значит, всё на месте. Подожди, ты как здесь оказался? Откуда узнал, что я ранен? Мамке не рассказал?

– Я был в Иловайске.

– Ты к нам в гости ехал? Война ведь у нас, бомбят. Какие гости?

Сергей не мог взять в толк, откуда появился брат во время интенсивных боев. Когда многие бегут отсюда, кто-то решается ехать в эти места, не понимая, что здесь смерть ходит полной хозяйкой, не пряча свою кровавую косу.

– Я на танке сюда приехал, – прошептал Андрей. – Хотел освободить тебя, тётку, отца твоего – дядьку Николая. Не получилось. В такой огневой переплёт попал, думал, что только в могиле могу спрятаться. И в Шахтёрске был, и Саур-Могилу освобождал, а в Иловайске застрял. Наши ушли без меня – мой танк подбили, я смог выбраться и так и остался лежать на улице. Ранило в самый последний момент. Во время отступления меня не заметили, а то забрали бы с собой.

– Так ты нацист?

– Почему нацист? Я освободитель. Нам так командиры сказали.

– Фашист!

– Кто тебе такое сказал? Кто научил всех вас принимать нас за врагов? Мы пришли вас освободить от России.

– А тебя кто-то об этом просил? Я же тебя звал в гости посмотреть на терриконы. К нам хорошо ходили поезда, а ты на танке попёр.

– Когда меня брали в армию, сказали, на бульдозере буду работать. Я эти бульдозеры сам видел. Ты бы не поверил? Поверил бы. Я тоже поверил. А потом пересадили на танк. Но я уже присягу принял. Понимаешь, присягу на верность Украине. Какой я фашист? Я освободитель. Я сам не знаю, что происходит. Нам выдали сухпайки, водку, автоматы, загнали в танки и приказали ехать. Меня к стенке надо поставить, но вот уже несколько дней меня, врага, лечат ваши доктора и не водят на пытки.

– Ну, придурок! Какие пытки? Валил бы ты отсюда вместе со своими «освободителями». А чего это ты на русском со мной болтаешь? Боишься?

* * *

На следующий день Андрея увели на перевязку. Больше братья не виделись. Сергей знал, что брат, скорее всего, будет обменян по какой-то программе. Он даже был уверен, что Андрей, с которым провёл всё детство, больше сюда не вернётся. Разве здравомыслящий вернётся в такую мясорубку? Он лежал и вспоминал, как с товарищами выбивали укропов из железнодорожного депо, как, рассредоточившись по периметру, бойцы шли лоб в лоб на врага. Оружия не хватало, но ребята готовы были зубами рвать эту тварь, посягнувшую на Донбасс. Дрались за каждый метр родной земли. Враг был настроен любой ценой захватить Иловайск, но под натиском ополченцев приходилось прятаться по подвалам, окопам, кукурузным полям. Многих страх смерти загнал в болота.

Сергей уже чётко понимал, что находится в госпитале, что ребята не дали умереть, перетянув обе ноги у самого паха во избежание полной кровопотери, что первым танком отправили друга в больницу, а сами продолжали отстреливаться до последнего патрона.

Дверь в палату открылась, и на каталке завезли седого старика. Аккуратно подхватив с четырех сторон одеяло, на котором лежал раненый, санитары перенесли его на кровать.

– Что за дед? Откуда привезли?

– Тише ты, помолчи. Командир ещё под наркозом. Еле из комы вывели. Серьёзную операцию перенёс. Теперь точно будет жить.

– Молодым надо воевать, а не старым. Сидел бы дома, книжки почитывал, телевизор смотрел. Я своего отца не пустил бы на смерть.

– И правильно бы сделал, солдатик, – вошла в палату медсестра. – Кто же вас остановит? Да и надо ли? Николай Борисович не такой, – девушка подошла к кровати новенького и прислушалась.

– Стучит сердце?

– Стучит.

– Тебя как зовут?

– Даша. Ты уже спрашивал.

– Даша, а ты знаешь, что не только у людей есть сердце? Вернее, ты знаешь, что не у всех людей есть сердце? Что-то я не то говорю.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть сердце.

– Нет, у меня нет сердца.

– Похоже, ты совсем запутался, солдатик, – засмеялась медсестра.

Седой дед застонал, и все притихли. И тут в палату вошла мать.

– Ты откуда узнала? – только и успел сказать Сергей. Мать упала на колени и горько зарыдала.

– Господи, спасибо, что оставил живых.

– Живых? А кто ещё?

Сергей повернулся к старику:

– Отец!

Как он мог не узнать в седом бойце родного отца? Он был уверен, что...

Заплаканная и обессиленная Галина, не поднимаясь с колен, подползла к мужу:

– Коленька, родной, как ты?

– Помните червивое яблоко? – вдруг прошептал раненый боец.

– Какое яблоко? Галина начала быстро осматривать палату в поисках яблок.

– Помню, – отозвался сын.

– Помни, сынок. Это наша совесть. Это память.

– Это наш позор и долг перед дедом, который мы до конца не исполнили. Всё в жизни повторяется: предательство, фашизм, слёзы, страх, подвиг.

И червивые яблоки...